

Steven Seegel. *Map Men: Transnational Lives and Deaths of Geographers in the Making of East Central Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 320 P.

Последние три десятилетия у специалистов, занимающихся регионом Центрально-Восточной Европы, исследованиями империи и нации, особенно в поздний и переходный период (1914-1921), сложился собственный неповторимый лексикон. Ключевыми словами в нем стали деепричастия-пароли «переосмысляя/rethinking», «создавая заново/reshaping», «задавая новые горизонты/reframing» и другие. Во многих отношениях знаковой в этой связи стала книга Ларри Вольфа *Изобретая Восточную Европу* (1994)¹.

Среди прочих автор поставил вопрос о соотношении реальных и «ментальных» карт. Как показывала практика, представители той или иной эпохи, отгаливаясь от актуального нарратива и собственного культурного бэкграунда, могли наполнять сухие географические данные собственными смыслами, которые нередко имели мало общего с реальностью. В наши дни исследователи пытаются классифицировать и понять многочисленные способы интерпретации окружающего пространства, имевшие место в прошлом. В фокусе внимания оказываются и те, кто непосредственно участвовал в формировании подобных «ментальных» карт, которые в сознании целых поколений были неотделимы от реальных.

Этим и другим смежным сюжетам посвящена новая книга Стивена Сигела *Люди и их карты*. Вероятно, эта фраза лучше передает на русском лаконичное английское *Map Men*, не теряя изначальный смысл, заложенный автором. Подзаголовок книги звучит *Транснациональные жизненные пути в процессе построения Центрально-Восточной Европы*. В каком-то смысле эту книгу можно считать продолжением предыдущей работы Сигела, где он исследует тему цивилизационных пограничій в Центрально-Восточной Европе². Однако, в этот раз она носит выраженное личностное измерение. Героями Сигела являются четыре географа из указанного региона: Альбрехт Пенк, Евгений Ромер, Степан Рудницкий и Пал Телеки, и один американец – Исая Боумен.

На первый взгляд неясно, что может связывать этих людей. По мере повествования автор, создавая рельефные портреты каждого из названных ученых, раскрывает множество незримых нитей, которые тянулись от одного к другому. Как выясняется, Рудницкий был студентом Пенка, а тот, в свою очередь, работал в США в качестве приглашенного исследователя и был хорошо известен амери-

¹ Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994.

² Seegel St. *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*. Chicago, 2012.

канским ученым, в том числе Уильяму Дэвису, наставнику Боумена. Даже в не легкие времена Пенк и Ромер, впоследствии оказавшиеся в разных идеологических лагерях, поддерживали дружеские отношения, в то время как Ромер ходил по одним и тем же улицам со своим соотечественником по австро-венгерской империи и будущим оппонентом – Рудницким.

Как отмечает Сигел, долгое время для названных географов не существовало оппозиции «национализм – интернационализм», что в принципе логично, учитывая имперское прошлое большинства из них. Соединенные Штаты, где жил и работал Боумен, во многом по-прежнему сохраняли самоизоляцию. Тем не менее, Сигел не упускает возможности отметить взаимное вдохновение немцев Америкой, а американцев – Германией. Отмечая особую роль Пенка, немецкое происхождение Боумена и владение остальными учеными немецким языком наравне с родными, Сигел именуется весь квинтет «транснациональными немцами» (С. 5).

Автор справедливо указывает, что рубежным событием здесь стало начало Первой мировой войны (С. 40), когда «старый мир» рухнул и необходимо было срочно создавать новую реальность. Закат империй и стремительная экспансия нации способствовали появлению невообразимых ранее изданий, таких как *Географическо-статистический атлас Польши* Ромера и *Украина: территория и люди, ее населяющие* Рудницкого, ставшие настольными книгами соответственно для польской и украинской национальной интеллигенции. Напротив, для Пенка и Телеки территориальная целостность Венгрии и Германского рейха оставалась неоспоримой. В этом смысле карты стали, по словам Сигела, выражением эмоций целых поколений (С. 228).

Несмотря на своеобразие каждого из случаев, их можно разбить на две группы. Хотя Ромер и Рудницкий находились по разные стороны баррикад, оба они стремились к «восстановлению» Польши и Украины на карте Европы. Напротив, Пенк и Телеки хотели удержать те «ментальные» карты немцев и венгров, которые стали неотъемлемой частью национального сознания, и вновь закрепить их уже на бумаге. Боумен в этом отношении несколько выбивается из общей компании: его звездный час наступил уже после завершения Первой мировой, в ходе мирной конференции в Париже.

Разбирая процесс превращения «транснациональных» академиков в геополитиков, Сигел подробно останавливается на их переживаниях, описывает схождение и расхождение бывших коллег и друзей. Это дает хорошее представление о том, какой эмоциональный фон окружал процесс рождения новой Восточной Европы. Вместе с тем, повествованию не хватает аналитичности, сочетающей историческую фактуру с элементами неформальной логики принятия решений.

В этой связи можно привести пример дебатов о польско-украинской границе, суть которых касалась не просто технической демаркации, а шире – вопроса существования независимой Украины. Боумен, которого связывали дружеские от-

ношения с Ромером, вероятно, знал об особом интересе немцев к Украине и не преминул напомнить об этом представителям стран-победительниц. В результате на заявления украинской делегации британский премьер Ллойд-Джордж возразил, что Украина – это «германский проект»³. При этом, справедливости ради, стоит отметить, что украинские геополитики оставались «немцами» гораздо дольше своих оппонентов. Даже в 1920 г., когда украинская миссия в Вашингтоне передавала Вильсону меморандум о признании УНР, значительное внимание в нем, вслед за работами Рудницкого, было уделено расово-антропологическим характеристикам украинцев⁴.

После событий Парижской мирной конференции повествование как будто идет на спад. Если «старые» жизни картографов прописаны Сигелом основательно, то в условиях новой эпохи он набрасывает их лишь пунктирно. Для кого-то это могло быть более-менее оправдано, как для тяжело больного Телеки (С. 115-116) или Пенка, «не осознавшего, насколько стремительно исчез дух транснационального сотрудничества» (С. 135). В случае Рудницкого автор упускает из внимания тот самый транснациональный контекст, который является одним из ключевых понятий его книги.

В случае с Украиной имел место во многом уникальный процесс, когда на фоне политики коренизации в советской Украине аналогичный национальный дискурс развивался и в диаспоре. Неслучайно некоторые украинские писатели, не проживавшие на советской территории (как, например, Винниченко или Стефаник), котировались и в СССР. При этом, что примечательно, территории, разделенные новыми границами, сохраняли своеобразное наследие старых империй, выражавшееся в сочетании национального и социалистического, где страстное желание социальных преобразований в обществе сочеталось с идеей национального развития. Исход части украинской интеллигенции в Советский Союз в середине 1920-х гг. в этом свете как раз представляется закономерным. Так, вслед за Рудницким в Харьков выехал его земляк Михаил Лозинский, в свое время тоже работавший на мирной конференции в Париже. Последний считал, что Восточная Галиция, вокруг принадлежности которой было сломано столько копий, должна стать украинской не путем борьбы с поляками, а войдя в состав советской Украины (в ту пору очень нетривиальная мысль для украинского политика в эзиле!). Впоследствии советская система одинаково враждебно восприняла и Рудницкого, и Лозинского: в 1937 г. они будут расстреляны в один день и попадут в одну братскую могилу.

К слову, еще более рельефно эти идеи проступали в случае с белорусским движением. В тот небольшой отрезок времени, когда советская власть благоволила развитию белорусского национального сознания, интеллигенты и политики

³ Les Délibérations du Conseil des Quatre (24 Mars – 28 Juin 1919). Vol. 2. Paris, 1955. P. 7.

⁴ Memorandum to the Government of the United States on the Recognition of the Ukrainian People's Republic. Washington, 1920. P. 3-5.

перемещались между советским Минском и «буржуазной» польской Вильной. Вероятно, знаковые фигуры этого процесса, такие как Ефим Карский и Митрофан Довнар-Запольский (их судьбы практически повторяют судьбу Михаила Грушевского), смотрелись бы в компании с Рудницким и Ромером более органично, чем Боумен и Телеки. В тени Пенка остались Бернхард Брандт, Ханс Президент и Макс Фридрихсен, которые в рамках краеведческой комиссии при генерал-губернаторе оккупированной русской Польши занимались непосредственным сбором данных для определения границ расселения поляков.

У книги Сигела есть еще один слабый момент. Действительно, можно допустить, что выбранные автором персонажи до Первой мировой войны находились в одной научной ойкумене. Тем не менее, не очень понятно, что их связывало за рамками интеллектуальной близости и университетской преемственности в том «старом» мире, который был для них знаком и понятен? Как представляется, в этом контексте «транснациональный характер» картографов порой оказывается достаточно натянутым.

Несмотря на это, а также на небольшие фактические ошибки⁵, работа Сигеля представляет собой весьма интересную попытку переосмыслить очередное «изобретение» Восточной Европы через личности непосредственных участников событий. Подобные просопографические исследования появляются нечасто, особенно если речь идет о таком широком охвате. В этом отношении книга, несомненно, будет ценна для тех, кто попытается разобраться в драматических перипетиях региона в переломные 1914-1945 гг.

Игорь Баринов

⁵ Так, к примеру, автор указывает, что Рудницкий погиб на Соловках (С. 5), тогда как он был казнен в карельском урочище Сандармох, знаковом месте для мемориализации жертв Большого террора.